

Шоссе куда надо

Все о нашем Линче

В минувший уик-энд в российский прокат вышел «Малхолланд Драйв» — новая работа Дэвида Линча, сон разбитого сердца, индустриальная симфония номер раз. Некоторым еще кажется, что это фильм про лесбиянок, что тоже верно: такой лесбийской сцены, какую разыгрывают героини Наоми Уоттс и Лоры Хэрринг, в мировом кинематографе еще не было. Но Линча мы любим не только за это.

Известия - 2002 - 18 Марта - СБ.

Роман ВОЛОБУЕВ

На примере «Малхолланд Драйва» особенно видно, в каком тесном сотрудничестве находится режиссер Линч с собственной не всегда счастливой судьбой. Его лучшие фильмы складываются из случайностей, порой противоречащих его собственной воле. «Дюна» вышла такой гипнотической благодаря тому, что на заключительном этапе мощный карлик Дино Де Лаурентис прогнал Линча и попытался смонтировать из того, что тот снимал, коммерчески состоятельный фильм. Волшебная асимметричность приквела «Гвин Пикса» («Огонь, иди со мной») вызвана тем, что с Линчем разругались несколько звезд сериала, включая игравшего агента Купера Кайла Маклахлена: в результате пришлось выворачивать сюжет так, чтобы обойтись без нескольких ключевых персонажей. У «Малхолланд Драйва» в этом плане самая безумная судьба. Он планировался как пилот телесериала, был забракован руководством телесети ABC, положен на полку, забыт, год спустя выкуплен французами, доснят за две недели — без сценария, с актрисами, которые давно забыли, кого играют, и к тому же успели сменить прически. Результат всех этих безумств — самый логичный, изящный и самый пронзительный фильм Линча. И, для того чтобы разрыдаться на нем, совершенно необязательно знать что-то о роли безответных телефонных звонков, потусторонних карликов и синих газонных распылителей в творчестве режиссера.

С «МД» к нам в очередной, вот уже который раз приходит понимание двух важных вещей. Первое. В кино сегодня нет режиссеров, сопоставимых по масштабу с Линчем. И второе. Этот самый Линч — не то, чем он кажется, и

уж тем более не то, чем его принято считать.

Линча принято считать за пределами интеллектуальным чудачком, сюрреалистом, собирателем странностей, снимающим сутубо психоделическое кино по принципу «чем непонятнее, тем лучше». Как следствие, искать в его фильмах смысл считается дурным тоном: на них предлагается ходить, по возможности приняв вещество, и получать растительное удовольствие. По той же причине всякий разговор о Линче на второй минуте превращается в конструирование ассоциативных цепочек: красавица, карлик, вигвам, вентиляторы, кусты сикомора, зубная паста, целлофан, ах, Дайана, свет моей жизни, в руках у меня маленькая коробочка с шоколадными зайцами. У кого цепочка длиннее — тот и выиграл. Те, кому надоело играть, говорят, что Линч уже 10 лет как выдохся и теперь всех нас сознательно и расчетливо душит.

После каждого его фильма звучат призывы расправиться с режиссером, публично выпороть, в крайнем случае — подвергнуть люстрации. И, надо сказать, что открытое неприятие теперешнего Линча, нежелание тратить душевные силы на то, чтобы разобрать, чего он там бормочет за своей красной портьерой, куда честнее и правильнее, чем бесконечные нечленораздельные восторги и бесконечная же мастурбация по поводу вигвамов, психоделиков, равнозначности Добра и Зла, а также отрицания паном режиссером факта существования человеческой личности. Потому что бы, что Линч никому не давал поводов для подобных восторгов.

Линч — самый, пожалуй, бесхитростный из ныне живущих режиссеров. Все чудачества и странности его — от простоты, а в вопросах любви, добра и зла он вообще очень прямолинеен, сенти-

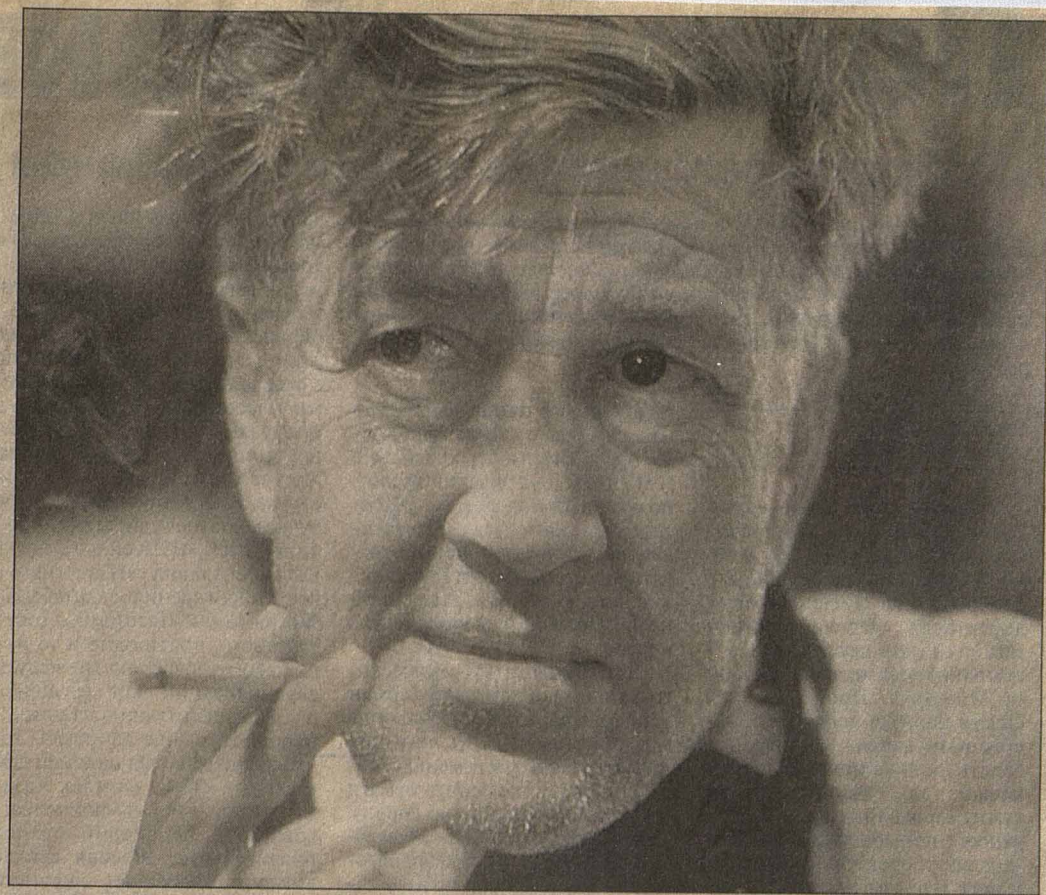
Жизнь режиссера

Дэвиду Линчу 56. Он почти безвыездно живет в Лос-Анджелесе, в огромном бетонном доме практически без окон, расположенном на такой узкой улочке, что по ней не всегда может проехать мусорный грузовик — мешки с мусором приходится выносить к перекрестку. Линчу принадлежат три дома на этой улице — в них расположены его офис, монтажная студия, студия для занятий живописью и столовая мастерская. Кайл Маклахлен, сыгравший агента Купера, живет на этой же улице, но они давно уже не общаются. Каждое утро Линч просыпается между 10 и 11, выпивает чашку капучино и стакан минеральной воды комнатной температуры. Он никогда не завтракает, а на обед неизменно съедает тарелку салата из тунца, помидоров и домашнего сыра. В 1990 году он взял за правило каждый день в 14.30 выпивать большой шоколадный коктейль. Эту привычку он оставил в 1996 году. С тех пор объем продаж шоколадных коктейлей в США серьезно снизился. Когда он не работает над фильмами, Линч строит лодки по собст-

ментален и старомоден — проще и прямолинейнее его только наши Астрахан с Рязановым. Более того, после «Малхолланд Драйва» возникает серьезное подозрение, что Линч не верит в то, во что верят его поклонники: в параллельные реальности, жизнь после смерти и посланцев других миров. Раньше, возможно, верил, а сейчас — нет.

К «МД» больше всего подходит определение «психофуга». Сам Линч, как человек бесхитростный, к тому же (что общеизвестно) очень боящийся приобретать новые знания (об этой фобии — одна из первых его короткометражек, в которой маленькая девочка гибнет жуткой смертью оттого, что ее пытаются научить алфавиту), о существовании такого термина, конечно, не подозревал. Просто несколько лет назад ему кто-то сказал, что его «Потерянное шоссе» — типичная психофуга. Линч очень полюбил этот термин и теперь употребляет его даже чаще, чем другое свое любимое слово — «секвенция». Психофуга значит две истории в одной: первая обрывается на самом интересном месте, и начинается вторая. При этом лишь одна из историй настоящая, другая же — ее искаженное отражение, вариация на ее тему, складывающаяся в не совсем здоровой голове главного героя. Героиня «МД», раздавленная несчастной любовью, крахом артистической

карьеры и собственным страшным поступком (каким — станет понятно в конце), спит и видит сон — сладкий, терапевтический, все исправляющий и расставляющий на свои места. В этом сне люди ведут себя как герои добрых голливудских фильмов, а незнакомцы, случайно встреченные героиней на вечеринке, превращаются во всемогущих ангелов-карателей, которые обрушиваются всей своей страшной извращенной мощью на тех, кто в реальной жизни обижал и предавал хозяйку сна. Фирменный линчевский мотив — убиенная блондинка, возвращающаяся к своему убийце под видом брюнетки (как Лора Палмер/кузина Мэдди в «Гвин Пиксе» или двойная Патриша Аркетт в «Потерянном шоссе»), — тут представлен в совсем неожиданной вариации: разлучница-мучительница, которую героиня любит и ненавидит, во сне распадается на две половинки — бездарную, корыстную и порочную блондинку и брюнетку — беззащитную, трогательную и тоже порочную, но уже в хорошем смысле. Впрочем, как и в случае с саксофонистом из «Потерянного шоссе», который думал сбежать от своих грехов и стать простым автомехаником, спасительный сон заканчивается раньше, чем хотелось бы: в дверь стучат, и надо держать ответ. Чего же тут непонятного.

Дэвид Линч больше не верит в потустороннее